

Инфляция: кому верить?

В средствах массовой информации, не говоря уж об интернете, нередко можно встретить утверждения, что официальные данные об инфляции сильно занижены, а на самом деле она в разы выше. Так кто же прав: Росстат или его критики?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала посмотрим, как оценивает инфляцию российская статистика. Во-первых, чтобы увидеть, может ли это приводить к значительному занижению результатов. Во-вторых, потому что некоторые разоблачения относятся не к действительным методам оценки инфляции, а к представлениям критиков о том, как это делается.

Показатель, говорящий о том, как изменился уровень цен на потребительском рынке за тот или иной период, — индекс потребительских цен (ИПЦ). А инфляцию обычно характеризуют приростом уровня цен: инфляция = ИПЦ — 100 %. Для расчета ИПЦ используется «корзина», включающая сейчас 558 наименований товаров и услуг (129 продовольственных товаров, 292 промтовара, 137 платных услуг). Это товары и услуги, которые занимают в потребительских расходах населения не менее 0,1 % (есть, правда, немного исключений вроде соли, перца, спичек). Доли расходов на конкретные товары и услуги определяются на основе выборочных обследований бюджетов населения. Такая работа ведется постоянно во всех субъектах Федерации, в целом по стране она охватывает немногим менее 50 тысяч домохозяйств. Корзина меняется ежегодно, чтобы учесть изменения как в ее структуре, так и в составе (например, из корзины 2026 года исключены стационарные телефонные аппараты, услуги по замене батареек в часах, добавлены услуги курьерской доставки и др.).

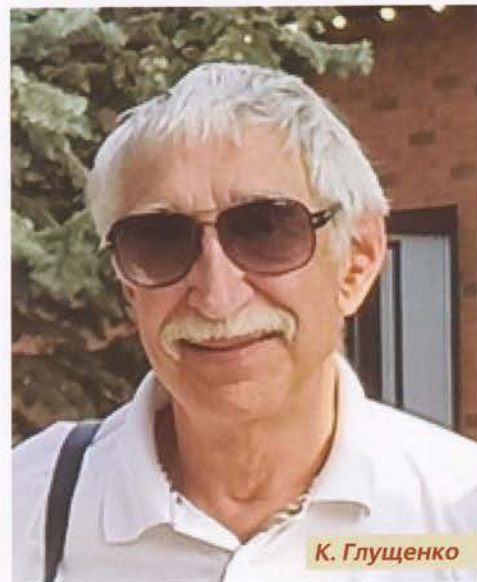
Цены регистрируются в конце каждого месяца (есть еще еженедельная регистрация по сокращенной номенклатуре — 110 товаров и услуг, поэтому недельные ИПЦ довольно приблизительны и используются в специальных целях, например, чтобы быстро заметить ускорение роста цен). Делается это в тех городах, где есть подразделения Росстата. Чаще всего это три города региона, но в крупных регионах может быть больше (так, в Московской области — 11 городов), а в небольших — один. В нашей стране, как и почти во всех других, наблюдение цен в сельской местности не проводится. Занимаются регистрацией цен сами работники Росстата, отчеты магазинов и т. п. для этого не используются. В каждом городе есть определенная выборка магазинов, рынков, предприятий общественного питания, заправочных станций и т. п., где это делает-

ся. Всего по стране их более 87 тысяч. Это самые обычные организации торговли и услуг, «бутики» и гламурные рестораны в их число не входят.

С товарами не все так просто. Например, в потребительской корзине числится такой товар, как подсолнечное масло, называемый статистиками товаром-представителем. Но в магазинах множество разновидностей подсолнечного масла, различающихся марками и производителями. И регистрируются цены ряда таких разновидностей (конечно, не всех, но не менее пяти). Перечень таких разновидностей фиксирован и один и тот же в течение года для всех торговых точек. А цена товара-представителя — «подсолнечного масла вообще» — в городе рассчитывается как среднее геометрическое цен его разновидностей во всех торговых точках города, где регистрируются цены. Цена по региону определяется иначе: как среднее взвешенное цен товара-представителя в городах. Вес города при этом — доля его населения в общей численности населения городов региона, в которых наблюдаются цены.

Региональный ИПЦ представляет собой среднее взвешенное изменения этих цен; здесь веса — доли потребления товаров и услуг в данном регионе. Поэтому сравнение ИПЦ между регионами мало о чем говорит: если в одном регионе он выше, чем в другом, то это не обязательно значит, что там цены выросли сильнее. Например, вес свинины в ИПЦ Дагестана — 0,15 %, а Рязанской области — 3,03 %. Так что даже значительное подорожание свинины почти не скажется на ИПЦ в Дагестане, тогда как в Рязанской области даст заметный вклад в него. Или взять зимнюю одежду: очевидно, что рост цен на нее отразится на инфляции на Чукотке гораздо сильнее, чем в Краснодарском крае.

Из региональных подразделений Росстата данные о ценах передаются в Москву, где рассчитываются средние цены и ИПЦ по России в целом. Здесь для расчета ИПЦ используется средняя по стране структура потребительских расходов. Поэтому сравнение российского ИПЦ с региональными тоже не очень информативно, как и сравнение региональных ИПЦ между собой. И по России, и по регионам наряду со сводным ИПЦ, охватывающим все 558 товаров и услуг, рассчитываются индексы цен продовольственных товаров, промтоваров, услуг.

К. Глущенко

Обратимся теперь к критике. Доктор экономических наук Михаил Делягин постоянно заявляет, что Росстат вдвое-втрое занижает инфляцию. Никаких аргументов он не приводит, поэтому неизвестно, на чем основывается его мнение. Но можно провести простой эксперимент. Рассмотрим отрезок в десять лет, 2016–2025 годы. Цены продовольственных товаров, по данным официальной статистики, за это время увеличились в 1,87 раза (к декабрю 2015 года). Согласно Делягину, если каждый год инфляция занижалась вдвое, то эта величина должна быть 3,33 раза, а если втрое — то 5,73 раза. Возьмем молоко («питьевое цельное пастеризованное 2,5–3,2 % жирности», как характеризуется этот товар-представитель). В декабре 2015 года в среднем по стране оно стоило 47,61 руб. за литр, в декабре 2025 года — 97,65 руб. Будем считать, что цена молока растет тем же темпом, как у всех продуктов (хотя оно подорожало сильнее: в 2,05 раза). По Делягину, если инфляция занижалась вдвое, то литр молока в декабре 2025 года должен стоить 158,69 руб. И это в среднем по России! Но тогда даже самое дорогое в стране молоко было дешевле: в Якутии — 154,38 руб., в Приморском крае — 157,31 руб., и лишь в Магаданской области 208,40 руб. А если же инфляция занижалась в три раза, то средняя по стране цена молока должна в декабре 2025 года быть аж 273,68 руб./л.

Подобные заявления иногда можно услышать и из-за рубежа. В апреле нынешнего года глава военной разведки Швеции Томас Нильссон в интервью газете «Financial Times», ссылаясь на разведданные, сказал, что российские власти существенно занижают сведения об инфляции. По его словам, реальный уровень инфляции в России ближе к тогдашней ключевой процентной ставке в

15 %, чем к официальной оценке. Что за разведанные, он, само собой, не открыл, хотя страшно интересно было бы узнать, какую такую нашу государственную тайну вывели шведские разведчики, которая помогла им «правильно» оценить российскую инфляцию.

Однако гораздо интересней голословных утверждений оценки «реальной» инфляции, основанные на расчетах. Довольно популярны индексы оливье, борщевского набора, Биг-Мака. Но здесь спорить не о чем: ясно, что эти индексы говорят только о том, насколько подорожала или подешевела входящая в них небольшая группа продуктов (меньше десятка), а не об изменении цен всех товаров и услуг. Есть оценки «реальной» инфляции, основанные на широком круге товаров и услуг (хотя он гораздо уже, чем корзина для расчета ИПЦ, не говоря уже о значительно меньшей выборке торговых точек и городов). Однако все они не учитывают структуру потребления. Например, корзина включает булку хлеба, литр молока, пачку сливочного масла, поездку в автобусе и т. д. Что удивительно, рассчитанная по подобной корзине инфляция всегда оказывается выше официальной, хотя временами она должна получаться и ниже. И это вызывает сомнения в объективности авторов такого рода альтернативных оценок.

От любительских упражнений принципиально отличается дефлятор исследовательского холдинга «Ромир», противопоставляемый ИПЦ Росстата. Выборки городов и домохозяйств, используемые для получения исходных данных, хотя и меньше, чем у Росстата, но по порядку величины сопоставимы. А перечень товаров, по-видимому, шире, при этом цены регистрируются ежедневно, а не раз в неделю или месяц. Правда, данные о тарифах на услуги (причем дефлятор учитывает только жилищно-коммунальные) и ценах на бензин берутся из данных Росстата. Методику расчета своего дефлятора «Ромир» не обнародовал, но при очень большом желании можно узнать ее принципы. Не буду говорить о подробностях, достаточно сказать об одной особенности расчета: неправдоподобных весах составляющих дефлятора. Вес товаров (и продовольственных, и промышленных) в нем – 39 %, жилищно-коммунальных услуг – 42 %, бензина – 19 %. Откуда взялись такие несуразные веса, дознаться не удалось. В ИПЦ 2026 года вес всех товаров, кроме бензина, – 67,26 %, услуг (всех, а не только жилищно-коммунальных) – 28,23 %, а бензина – 4,51 %; в несколько предшествующих лет такая укрупненная структура потребления отличалась от этого незначительно. Справедливости ради нужно сказать, что дефлятор «Ромира» временами отставал от ИПЦ, а иногда даже показывал дефляцию. Но когда он стал опережать, в средствах массовой информации появились основывающиеся на этом статьи о том, что Росстат нас обманывает.

Вопрос, а не обманывает ли нас «Ромир», видимо, не приходил в голову журналистам. По неизвестной причине «Ромир» эти свои изыскания прекратил в позапрошлом году: последняя оценка дефлятора относится к сентябрю 2024 года.

Стало быть, разного рода альтернативные оценки инфляции опровержением ИПЦ служить не могут, они нарушают многие принципы построения индексов цен. Нужно сказать, что методология наблюдения за ценами и расчета индексов цен, используемая Росстатом, не доморощенная. Она соответствует теории и мировой практике, применяемой во всех странах. А критика подходов Росстата, как уже отмечалось, исходит из незнания того, каковы они на самом деле. Так, один из аргументов – из потребительской корзины исключаются сильно дорожающие товары и включаются те, цены которых растут медленнее. Но корзина, как было показано выше, формируется совсем

по-другому. Еще один аргумент касается «товаров для богатых», которых на самом деле в потребительской корзине нет. Так, доктор политических наук Сергей Обухов в октябре прошлого года сказал, что снижение инфляции обязано уменьшению цен на бриллианты. Так нет же их в корзине! К этому он добавил: «Если брать жилищно-коммунальные услуги, цены в “Пятерочке” или в “Магните”, там инфляция, по самым щадящим оценкам, составляет 16–20 %». Как он получил эти «щадящие оценки», осталось за кадром. На самом деле уровень цен продовольствия вырос за весь 2025 год на 5,2 %, жилищно-коммунальные услуги, правда, подорожали гораздо сильнее, но все же не на «16–20 %».

Ряд сомнений в справедливости оценки инфляции вызван уменьшением производителями объема товара в упаковке: так, в бутылке или коробке молока не 1 литр, а 900 граммов по прежней цене за упаковку. Однако это не имеет значения: цена регистрируется за 1 литр молока, 1 кг сливочного масла и т. п. независимо от того, сколько товара в упаковке, так что фактическое подорожание от статистики не ускользает. Здесь же говорят об ухудшении качества, например, замене молочного жира пальмовым маслом. Тут, и правда, статистика бессильна. Но это дело не Росстата, а Роспотребнадзора. Есть еще вопросы о распродажах, разного рода акциях, временном отсутствии отдельных товаров в некоторых торговых точках. Но в методических материалах Росстата и инструкциях регистраторам цен предусмотрено, что делать и в таких случаях.

Поскольку потребительская корзина

меняется, инфляция за ряд лет рассчитывается цепным методом: перемножением индексов цен. Этот подход встречает возражения, взамен предлагается непосредственно брать рост цен конкретных товаров и услуг за весь период. Рассмотрим период с 2001 по 2025 год. В 2001 году мобильный телефон был еще предметом роскоши и не входил в корзину, как и услуги мобильной связи. Сейчас же смартфоны есть даже у ребятишек. А за это время исчезли из массового потребления пленочные фотоаппараты, видеомagniфоны и касcеты с фильмами для них. Выходит, надо брать «урезанную» корзину, в которой будут только товары и услуги, благополучно просуществовавшие все эти 25

лет. Но менялась и структура потребления, определяющая веса цен. Тут предлагается усреднять ее за рассматриваемые годы. Но тогда возникает странный эффект: если продлить рассма-

триваемый период, оценки инфляции за годы внутри него изменятся. И, как следует из теории индексов цен, такой метод будет давать весьма завышенный темп роста цен. Отсюда и делают вывод, что Росстат занижает инфляцию. Но вытекает он из ошибочного метода!

Так что и критика методологии оценки инфляции нашей статистикой не имеет каких-либо серьезных оснований. А из описанных в начале статьи основных принципов этой методологии видно, что нет никаких причин, по которым оценки оказались бы заниженными. Более того, они завышены. Причина проста: для расчета ИПЦ используется прошлогодняя потребительская корзина. Потребители же по мере роста цен замещают часть сильнее подорожавших товаров теми, цены на которые выросли меньше. В итоге стоимость фактической корзины оказывается меньше, чем прошлогодней в ценах текущего года. Так, если годовая инфляция, согласно Росстату, составила 12 %, то более точная оценка (требующая специальных исследований) – 11 %. И чем больше инфляция, тем сильнее завышение. Исследования наших и зарубежных экономистов показали, что рост потребительских цен в России за 1990-е годы был завышен примерно на треть.

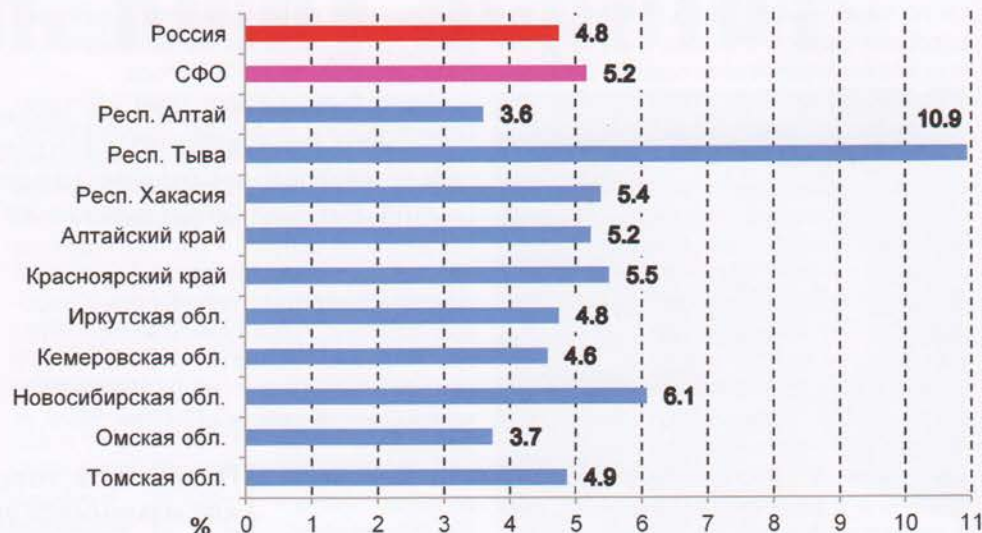
Раз методы оценки инфляции не дают занижения, можно заподозрить, что Росстат просто «подправляет» данные, чтобы показать низкую инфляцию. Допустим, фактически полученные региональные индексы цен уменьшаются. Но в открытом доступе (например, на сайте Росстата) есть средние по региону цены, и тогда можно обнаружить несоответ-

Показатель, говорящий о том, как изменился уровень цен на потребительском рынке за тот или иной период, – индекс потребительских цен (ИПЦ). А инфляцию обычно характеризуют приростом уровня цен: инфляция = ИПЦ – 100 %

ствие между ними и индексами цен. А если «корректировать» сами цены? Чтобы инфляция была постоянно заниженной, это нужно делать регулярно, и в конце концов эти цены далеко разойдутся с тем, что наблюдается в действительности.

Итак, никаких оснований не доверять официальным оценкам инфляции нет – прав Росстат, а не его критики. Тем не менее, если опросить людей, то 99 % из них, если не все 100 %, скажут, что инфляция гораздо выше официальных оценок. Причина этого феномена давно известна психологам: потерю люди воспринимают острее, чем выигрыш такого же размера. Применительно к ценам это значит, что на ценники с заметно выросшими ценами обращают гораздо больше внимания, чем на те, где цены выросли незначительно, а то и остались на месте, или даже снизились (что, в частности, бывает у нас с овощами-фруктами в конце лета – начале осени). И уж тем более люди не оценивают, насколько стала дороже их потребительская корзина из-за роста цены того или иного товара. Так, сахар-песок за январь-июль нынешнего года подорожал в среднем по России на 20 % (в том числе в июле на 7,3 %). А это наводит на мысль: ну как же тогда инфляция за этот период может быть всего 4,7 %? А все очень просто. Вес сахара-песка в ИПЦ – 0,28 %. Тогда из-за его 20-процентного подорожания расходы среднего потребителя увеличиваются на 0,336 %. Не подорожай сахар, инфляция за январь-июль была бы не намного меньше: 4,4 %. Ко всему впечатление о росте цен главным образом дают посещения продовольственных магазинов, в промтоварные люди заходят гораздо реже, а к сфере услуг обращаются и того меньше. И потому вклад промтоваров и услуг в инфляцию почти никогда не учитывают. Таким образом, субъективные

Инфляция в регионах Сибирского федерального округа за январь-июль 2026 года

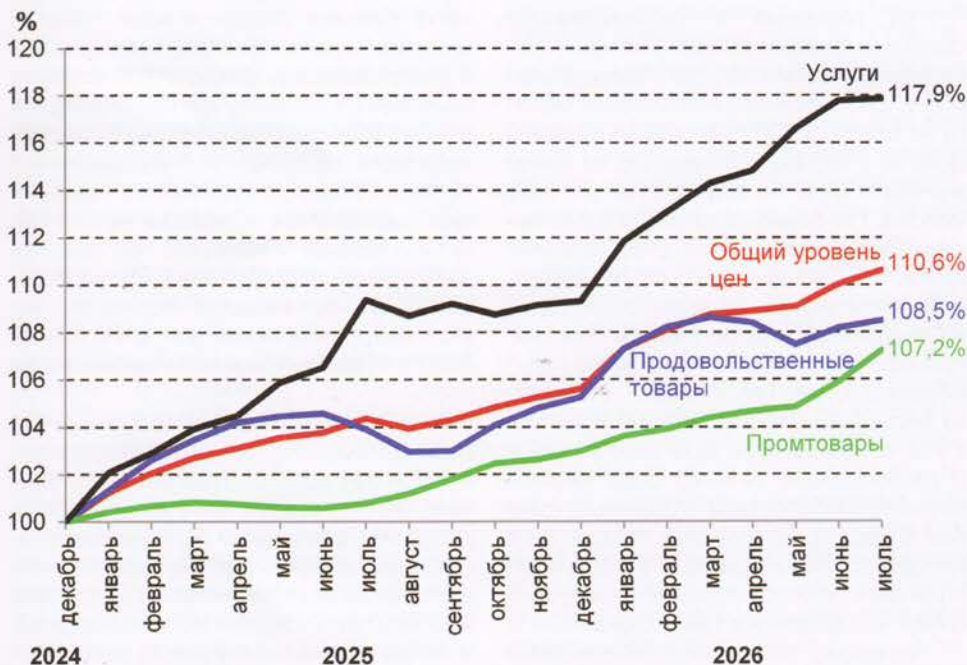
представления об инфляции основаны на обрывочной информации («цены в "Пятерочке" или в "Магните"»), которая к тому же никак не соотносится с тем, насколько увеличатся потребительские расходы. Поэтому это просто «впечатления» об инфляции, о действительной инфляции ничего не говорящие.

В заключение посмотрим, о чем свидетельствуют недавние данные об инфляции. На первом графике показан темп роста цен в России в целом с января прошлого года по июль нынешнего. В нем проявляются тенденции, характерные для инфляции в нашей стране с самого 1991 года. Как видно, общий уровень потребительских цен (сводный ИПЦ) растет быстрее, чем уровни цен продовольственных и промышленных товаров. С января 1991 года по декабрь 2025 года общий уровень цен увеличился в 163,8 раза (если учесть еще январь-июль нынешнего года, то в

171,6 раза, так что советский рубль 1990 года стоит в нынешних деньгах 171 руб. 60 коп.). Продовольствие подорожало меньше – в 144,2 раза, еще меньше промтовары – в 82,4 раза. А причина того, что сводный ИПЦ растет больше, чем индексы цен продовольственных и промышленных товаров, в опережающем росте уровня цен услуг: в 1303 раза с 1991 года. Среди услуг весомую долю занимают услуги с регулируемыми тарифами: электроэнергия, отопление, водоснабжение и т. п. И каким же образом высокая ключевая ставка Банка России может сдерживать инфляцию, немалый вклад в которую дают услуги, объем потребления значительной части которых почти не зависит от спроса (невозможно много сократить потребление электричества или воды), а тарифы устанавливаются административно?

Второй график показывает прирост общего уровня цен в регионах Сибирского федерального округа за семь месяцев нынешнего года в сравнении с инфляцией в округе в целом и по всей стране. Как отмечалось, сравнение ИПЦ между регионами не позволяет судить о том, как выросли в них цены: даже если все товары и услуги подорожали в двух регионах одинаково, ИПЦ могут оказаться очень разными. Но можно подойти по-другому: как отразился рост цен на благосостоянии населения регионов. Инфляция в регионе говорит, насколько подорожала корзина среднего (или, выражаясь научным языком, представительного) потребителя в этом регионе. Меньше всего такое подорожание было в Республике Алтай и Омской области. А вот Тыва пострадала от инфляции довольно сильно, потребительская корзина там стала стоить почти на 11 % дороже, чем в декабре прошлого года. В остальных сибирских регионах увеличение стоимости потребительских корзин не сильно разнится и более-менее близко к среднему и по России, и по округу в целом.

Рост цен за 2025–2026 годы (декабрь 2024 года = 100 %)

Константин Глушенко